

Межавишняя - 2004. - 23

Нельзя путать управление телевидением и политику

ант. - с. 13, 16

Анатолий Лысенко всегда следует этому принципу

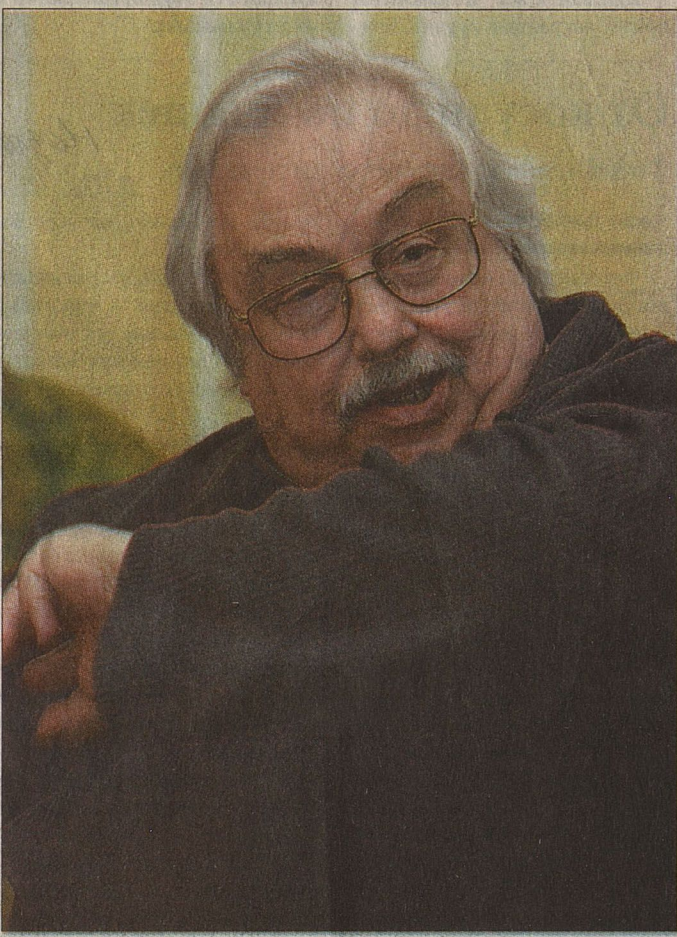
Сергей Варшавчик

Анатолию Лысенко, президенту Международной академии телевидения и радиовещания, за плечами которого создание «Взгляда», ВГТРК, ТВ-центра, – 67 лет. В канун дня рождения его бывший коллега неожиданно выступил с обвинениями в его адрес.

– Анатолий Григорьевич, вы много лет работали с Олегом Попцовым. Вас не удивили его недавние нелюбезные высказывания в ваш адрес? В частности, о том, что вы, будучи гендиректором ВГТРК в 1993 году, отправили, по его словам, верноподданническое письмо президенту, заявив тогдашнему министру печати Полторанину, что председатель ВГТРК придерживается позиции Хасбулатова?

– Я считаю, что работали мы с Олегом – хорошо. Ругались, цапались, подъедали друг друга. Но это правильно. Если не ругаться – то просто неинтересно. Но уже тогда у него это проскальзывало «Я знаю все!». Десятки анекдотов ходят по поводу этого на ВГТРК. Например, когда Верховный Совет потребовал немедленной трансляции заседаний (технически для этого нужно было некоторое время, чтобы разогреть лампы для ПТС), то Олег перепутал и ответил им так – потом он говорил, что сказал специально: «Вы же понимаете, нужно разогреть

смешное, что за два дня до этого к нам прибыла комиссия из парламента, не скрывавшая, что ее задача – разгромить компанию, взять ее под контроль Верховного Совета. После того как телефоны отрубались, я позвонил Мише, опять была дикая ругань. Полторанин мне сказал, что наверху к нашей компании доверия нет. Но мы договорились, чтобы включили хотя бы городские телефоны. Потом включили правительственную связь. Затем позвонил Олег из Венны, и началась бешеная истерика: «Немедленно предоставить слово Хасбулатову!» Поскольку указ входил в силу в 20.00, а за два часа до этого был «Парламентский час». Но мне было ясно, что если мы дадим выступить на всю страну Хасбулатову с его окружением, то последует призыв к гражданской войне, к крови. Я сказал: «Я это не разрешу. По двум причинам. Первая – я абсолютно согласен с точкой зрения президента. Второе – если бы я не был согласен с этой точкой зрения, я должен написать заявление об уходе». Нельзя быть главой компании, назначенным президентом, и выступать против него. В этом есть, мягко говоря, нетактичность. Я собрал генеральную дирекцию, и все единогласно проголосовали, что мы находимся на стороне президента. О чем я и отправил соответствующую телеграмму, которая была отнюдь не верноподданнической. На следующий день приехал Олег и снова устроил бешеную истерику на заседании генеральной ди-

Анатолий Лысенко полагает, что Россия нуждается в государственном телевидении. Фото Артема Житенева (НГ-фото)

провода!» В компании такого гогота я давно не слышал.

Что же касается 1993 года, то поясню, что было. Напряжение тогда, за несколько дней до знаменитого указа Ельцина о роспуске парламента, было настолько велико – поскольку дело пахло кровью, – что все понимали, что что-то должно произойти. При этом мне несколько раз звонили люди из кругов, близких к Коржакову, говоря, что ходят слухи о том, что компания является прохасбулатовской, противопрезидентской. Затем – Олег был в командировке – я узнал о том, что в Министерстве связи прорабатывается вопрос о переключении управления каналом с ВГТРК на ОРТ. Я позвонил Полторанину. Разговор, в котором не было ни одного литературного слова, был крайне неприятный. Я спросил: что происходит, что за разговоры, что за слухи? Мне было сказано, что Олегу надо меньше было суесться в парламенте. В день указа все телефоны и связь с компанией были обрублены. Самое

рекции, где он пытался доказать, что его пытаются сместить и что нельзя так прогибаться перед президентом, хотя я сказал ему, что в данном случае выступаю как чиновник: президент издал указ, что нет Верховного Совета, – для меня нет Верховного Совета. В этот момент ему позвонил по вертушке Филатов, глава президентской администрации. Олег прервал заседание дирекции и буквально через 15 минут пришел ко мне, вызвал в коридор и сказал, что Филатов сообщил ему о том, что практически было принято решение о запрете компании и что пусть он поблагодарит меня за то, что ее удалось спасти. И что самое главное, как с ужасом сказал мне Олег, оказывается, они слышат все наши разговоры. Я ему сказал, что надо обладать большой наивностью, чтобы не верить, что наши разговоры прослушиваются. Тем более в этой ситуации и тем более в откровенном недоверии Коржакова к Олегу.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 16

Нельзя путать управление телевидением и политику

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

У нас был с Коржаковым один разговор, когда он сказал мне, что он знает, что у меня была другая позиция, но почему я не заложил Попцова? Я ему сказал: «Знаете, Александр, закладывать кого-то — не моя профессия».

Для Олега политика — это война: кто не с нами, тот против нас. Но война, такая, я бы сказал, типа «Зарницы». В конце все встают и раскланиваются. Но нельзя путать две вещи — управление телевидением и политику. Человек, возглавляющий канал, не должен быть политиком. Это не его собственность. Он назначается, что и показало прошедшее время. Определяет политику владелец канала — будь то государство или частник. Да, ты можешь согласиться или не согласиться. Слава богу, теперь такая чудесная жизнь, что можно не согласиться и уйти, не будучи за это расстрелянным. Но если ты согласился и принял на себя управление — изволь отвечать. И не только перед президентом, но и перед теми людьми, которые тебе поверили, которые пришли с тобой. Твой уход очень часто ведет к изгнанию всех.

Олегу невероятно нравится политика, он живет в ней. В каком-то интервью он говорил, что, когда он приходил в Думу, она кипела к нему ненавистью, к нему подходили, обзывали, говорили, что его надо повесить, четвертовать... И весь ужас в том, что личное отношение к депутату Попцову (а Олег умеет обидеть человека и словом, и непрерывной дачей советов, что далеко не всем нравится) проецировалось на саму компанию. Надо отдать должное, что при всей критике в адрес Бориса Николаевича по отношению к Олегу президент был невероятно терпелив, выдерживая все советы Олега. А это очень раздражало Ельцина, он говорил Полторанину, что пускай он не говорит больше, чем я.

— Олег Попцов любит давать советы?

— Обожают. По всем вопросам — от гинекологии до политического управления. И когда я посмотрел несколько серий его фильма «Заплыв слепых», у меня сложилось ощущение, что это попытка почти через 10 лет с помощью телевидения доказать, что президент ошибался, Чубайс ошибался, Гайдар ошибался, Силаев ошибался, все ошибались, за исключением одного человека, Олега Попцова. А вот если бы страна пошла по пути, который он указывал, — мы жили бы счастливо.

— Нет, он признал, что есть и его вина в том, что он «открыл и придержал дверь во власть для младореформаторов».

— Открыл и придержал дверь для младореформаторов все-таки Борис Николаевич Ельцин. И не надо путать президента страны с назначаемым им руководителем телерадиокомпаний. Мы все невероятно умны, стоя на приступочке Истории. Мы знаем наперед, чем все закончится. Вообще в этих мемуарах есть какаля-то мания

«Предпочитаю быть большой рыбой в глубине, нежели суетливым мальком на поверхности».

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

фильм, стали звонить люди, которые участвовали в той эпохе: Бурбулис, Полторанин, Олег Добродеев, Владик Муштаев, который был моим замом. Они были потрясены. «Слушай, но все было не так».

— Зачем же, на ваш взгляд, Попцов снял этот фильм?

— Может быть, это оттого, что годы идут, карьера кончается и захотелось утвердить себя как автора телевизионного фильма. Ведь, по сути дела, это его первая телевизионная работа. Комментарии, выступления в кадре и даже интервью, в которых он говорит больше, чем отвечающий на его вопросы, — это не совсем то.

— А вы уверены, что его карьера заканчивается?

— Во всяком случае, мы относимся к поколению, как говорит Эдик Сагалаев, идущих с рынка, а не идущих на рынок. В этом фильме, который снял невероятно талантливый режиссер Игорь Шадхан, есть два интересных момента. Первый — образ рассказчика, мечущегося между тремя стульями, как между тремя соснами, символизирующими власть, народ и прессу, и не находящего себе места ни на одном из стульев — есть образ Олега. Он так и не

важно, как ко мне относится Толя, мне важно, как я к нему отношусь».

— Это тоже символично. Я — это. Я к Олегу прекрасно отношусь, но не могу понять его ревностную обиду и попытку разобраться задним числом. «Да, Толя собрал компанию, но уже через полгода они были моими людьми». Я всегда считал, что у нас одна команда, и мы стояли плечом к плечу.

гражданское общество — я был бы за общественный канал. Но у нас нет партий — нельзя же называть партиями ту шоблу, которая сбегается перед выборами. У нас нет партийных лидеров, как мы, к сожалению, сейчас убедились. У нас есть на сегодня в стране один реальный политик. Давайте признавать эту реалию.

— Олег Добродеев хочет оставить все как есть, Минис-

У нас нет партий — нельзя же называть партиями ту шоблу, которая сбегается перед выборами

— А теперь вы ему кажетсясь большой рыбой в глубине.

— Считаю это комплиментом. Я предпочитаю быть большой рыбой в глубине, нежели суетливым мальком на поверхности.

— Как вы относитесь к ситуации вокруг реорганизации вашего детища — ВГТРК?

— Думаю, что в ближайшее время будет изменена структура управления каналов. Мы все время боимся называть вещи своими именами. ВГТРК создавалось как государственное телевидение России. Другое дело, что тогда Россия по своему характеру была революционной по отношению к СССР. Теперь, когда Россия стала самостоятельной страной, она, конечно, нуждается в государственном телевидении. Это мое твердое убеждение. Так же как мое твердое убеждение, что демократия — учитывая особенность России — должна строиться сверху.

— Но у нас два государственных канала.

— Да, вот это нелепо. Я думаю, что один канал должен оставаться государственным, может быть, даже без рекламы.

— Общественное телевидение?

— Что значит общественное телевидение? Если бы у нас было

терство культуры и массовых коммуникаций склоняется к акционированию компании.

— Мне вообще кажется, что руководству Минкультуры перед тем, как выступать с такими красноречивыми заявлениями, с какими выступают министр и его зам, хорошо бы сначала выяснить, как все это работает. Потому что, насколько я понимаю, они еще не встречались с руководителями каналов. Мне вообще очень нравится, когда человека назначают министром, он, не встретившись ни с кем, в прекрасном далеком Токио начинает объяснять, как гнобить журналистов. В любой другой стране мира этот министр после такого заявления существовал бы последний день. Есть все-таки разница между консерваторией и телевидением. Как говорил Жванецкий, «может быть, что-то подправить в консерватории?». Как можно акционировать компанию со 100-процентным участием государства в условиях очень неустойчивого социального климата в нашей стране? Ведь старый рассказ Шендеровича о том, что в Париже +12, а деревню Гадюкино смыло, остается актуальным. Слава богу, сейчас нет такого опасения,

что завтра смоем. Но ведь, как показывает практика, у нас каждый год «половодье» наступает неожиданно. А если число «осадков» будет слишком высоко и цены на нефть упадут? У нас деревня Гадюкино слишком неустойчива. И в связи с этим обеспечение народа хлебом и зрелищем, то есть телевидением, — это обязанность государства.

— Иными словами, телевидение — некая бочка водки, которую выкатывают народу?

— Конечно.

— Как оцениваете назначение Михаила Лесина советником президента по СМИ?

— В силу моих теплых отношений к Михаилу Юрьевичу отмечу, что очень приятно, что любое его назначение не сопровождается интервью на тему, что он собирается исправить в том, что ему поручено. Я за то, чтобы за наладку часов отвечал часовщик. Или тот, кто что-то в этом понимает. Лесин — один из источников добавочной информации президенту.

— А что скажете про «Спорт», про который ходят слухи, что его сменят на общественно-политический канал?

— По нему пока нет решения, поскольку во власти большое количество людей, которым нравится спорт. Но странная вещь. Я, человек малоспортивный, обожаю смотреть канал «Евроспорт». А вот канал «Спорт», где работают способнейшие люди — Вася Кикнадзе, Алексей Бурков, Анечка Дмитриева, Саша Гурнов, не могу сказать почему, не захватывает.

— Какие еще не захватывают?

— К каналу «Культура» у меня есть претензии. Я же вижу, что там борются две тенденции — делать его как канал только искусства и как более широкое понятие культуры. Пока побеждает первый вариант. А я вижу, что ему тесно в тех рамках, которые задаются. Но там есть что посмотреть. Вчера включил телевизор, смотрю, две змеи беседуют с Герасенко.

— Вы имеете в виду Дуню Смирнову и Татьяну Толстую?

— Да. Я от них получаю кайф. Потому что они, когда попадают на интересного человека,

Олег Попцов так и не понял: он чиновник, публицист или политик?

величия. Например, якобы Ельцин сказал, что не подпишет указ о покупке частных инвесторами «Останкино», пока не будет визы Попцова. Мистика. Не было такого. Это напоминает анекдот времен Малой земли, когда Сталин, выслушивая план Жукова о наступлении, попыхивая трубкой, интересуется: «Георгий Константинович, может, это и правильно, а вы с полковником Брежневым советовались?» Когда появился этот

понял: он чиновник, публицист или политик? Все вместе — это «Пантин Прови», три в одном флаконе: против перхоти, мытье и увлажнение волос. Второй момент — камера, которая едет по рельсам по кругу. Гениальный кадр. Образ отсутствия события. «Я был прав — они были не правы, я был прав — они были не правы...» Но для этого не надо столько серий.

— В недавнем интервью Олег Попцов сказал: «Мне